

ИСПАНИЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ ЦЕЗАРЯ

17 марта 45 г. до н.э. в битве при Мунде Цезарь наголову разгромил помпеянскую армию. После этого сражения вооруженной оппозиции Цезарю реально не существовало. Цезарь настолько осмелел (или, может быть, обнаглел), что отпраздновал триумф за победу над согражданами. Гражданская война отныне считалась полностью законченной. Однако почти ровно через год (без двух дней) Цезарь был убит, и вскоре начался новый тур гражданских войн, который привел Римскую республику к окончательной гибели. Основные события этого тура происходили в центре и на востоке Средиземноморья. Там сражались главные протагонисты этой кровавой войны. На них и на события, с ними связанные, и обращали свое основное внимание древние историки, и этому, естественно, следует и современная историография. События на Западе оставались и остаются в тени, хотя они тоже сыграли свою роль в агонии республики. Это относится и к событиям в Испании. Прежде всего они были связаны с деятельностью Секста Помпея.

В битве при Мунде Секст Помпей не участвовал. Он возглавлял помпеянский гарнизон в Кордубе (Bel. Hisp. 3. 4; Cass. Dio. XLIII. 32. 4). Узнав о поражении и понимая, что защитить город своими небольшими силами даже с помощью горожан он не в состоянии, Секст после неудачной попытки вооружить рабов посоветовал кордубцам самим договариваться с победителем, а сам с небольшим отрядом ушел в горы (Bel. Hisp. 32. 4–5; Cass. Dio. XLIII. 39. 1). В Дальней Испании он не задержался, а предпочел уйти в Ближнюю Испанию¹, где у его отца еще со времени войны с Серторием имелась довольно обширная клиентела². Там он начал собирать свои силы.

Вначале Цезарь не обратил никакого внимания на Секста (App. IV. 83). Действительно, тот был еще довольно молодой человек, главное, почти без военного опыта. Ему было в то время от 21 до 23 лет³. К началу гражданской войны в военную службу он еще не вступал, а находился вместе со своей мачехой Корнелией на Лесбосе, где их навещил отец, и они сопровождали

¹ Точное место убежища Секста Помпея передано разными авторами по-разному. Цицерон (Att. XII. 37. 4), со слов Гирция, говорит о Ближней Испании вообще. Позже Флор (II. 13. 87) также весьма туманно упоминает Кельтиберию. По Диону Кассию (XLV. 10. 1), Секст нашел убежище у лацетанов, а по Страбону (III. 4. 10), – у яцетанов. То, что, по словам Аппиана (IV. 83), он сравнительно скоро занялся морскими разбоями, позволяет говорить скорее о лацетанах, живших на побережье Средиземного моря, чем о яцетанах, обитавших во внутренних районах Пиренейского полуострова. Но в любом случае речь идет о северо-восточной части Испании.

² Определенные связи с семьей Помпеев в этом регионе возникли, возможно, еще раньше. Как известно, отец Помпея Великого Помпей Страбон дал римское гражданство 30 всадникам Сальвитанской турмы за их храбрость во время Союзнической войны (ILS 8888). Мы не знаем, вернулись ли эти люди на родину или предпочли остаться в Италии, но в любом случае этот акт Страбона не мог остаться неизвестным, и его результатом могло быть возникновение определенных связей между жителями долины Ибера и семьей Помпея, если не собственно клиентских, то каких-то чувств привязанности (Roddaz J.-M. Guerres civiles et romanisation dans la vallée d'Ebre // REA. 1986. 88. P. 323). Не исключено, что это обстоятельство стало одним из мотивов избрания именно Помпея Великого для борьбы с Серторием.

³ По наиболее вероятному предположению, Секст родился между 68 и 66 гг. до н.э. (Miltner F. Pompeius, 32 // RE. Hlbd 43. Sp. 2214).

его в его последнем плавании в Египет. Там Секст и Корнелия стали свидетелями предательского убийства отца и мужа. Египтяне пытались захватить и их корабль, но, пользуясь благоприятным ветром, они сумели уйти от преследования и направиться в Африку. Об участии Секста в африканской кампании ничего определенного не известно; во всяком случае, в первых рядах помпеянцев он не был. После поражения Секст, как и другие выжившие помпеянцы, перебрался в Испанию, где встал под знамена своего старшего брата Гнея (Cass. Dio. XLIII. 30. 4). Гней явно не обольщался насчет военных талантов брата. Он направил его в Кордубу для защиты этого города. С одной стороны, этот город был для помпеянцев очень важен, и тот факт, что его гарнизон возглавлял Секст, гарантировало от его перехода на сторону Цезаря. Но, с другой, это поручение исключало Секста из рядов непосредственно действующей армии. Да и в самой Кордубе гораздо большим авторитетом, видимо, пользовался местный богач Скапула, бывший инициатором и главой антицезаревского восстания, чем младший сын Помпея. Характерно, что Цезарь, направив после Мунды специальный отряд на поиски и убийство Гнея, и не подумал послать подобный отряд в погоню за Секстом. Однако сравнительно скоро он понял, что ошибся. Спустя короткое время молодой Секст сумел проявить себя и как способный военный командир и как политик.

Секст и не подумал просто отсиживаться. Он нашел поддержку на северо-востоке Пиренейского полуострова (Cass. Dio. XLV. 10. 1) и занялся там собиранием всех сил, способных противостоять Цезарю. Поддержка местного населения позволила ему иметь довольно безопасную базу. Из числа аборигенов он набрал какое-то войско и начал вести с ним по существу партизанскую войну против цезарианцев. К нему действительно скоро стали собираться противники Цезаря. Даже из Африки прибыл местный царек Арабион (App. IV. 83), в свое время лишенный трона Цезарем. Секст располагал и довольно значительными средствами, которые позволяли ему даже чеканить собственную монету⁴. Эта чеканка дала Сексту возможность не только платить своим сторонникам, но и, как это было обычно, вести пропаганду.

Главным лозунгом на монетах Секста было *pietas*⁵. Как известно, «благочестие» было одним из базовых понятий в римской системе ценностей⁶. Недаром позже оно наряду с доблестью, милосердием и справедливостью входит в четверку качеств, характеризующих идеального правителя (ср. R.g. 34). В первую очередь благочестие подразумевало исполнение человеком своего долга перед богами, но также и перед умершими предками⁷. Цицерон (De leg. II. 26) даже разделяет понятия долга перед богами и перед родителями: справедливость по отношению к богам – это религия, а по отношению к родителям – благочестие. Уже Гней младший, выбирая «благочестие» своим паролем перед битвой при Мунде (App. II. 104), подчеркивал этим преклонение перед памятью отца. Тот же смысл вкладывал в это понятие и Секст, который к образу отца прибавил и образ погибшего брата. На его монетах появляется фигура Благочестия с пальмовой ветвью в правой руке и скипетром в левой, что подчеркивает победу благочестивого полководца и власть благочестия в ре-

⁴ Sydenham E.A. The Coinage of the Roman Republic. L., 1952. P. 174; Montenegro Duque A. La conquista de Hispania por Roma // Historia de España. Madrid, 1982. T. II, 1. P. 170; Morawiecki L. Political Propaganda in the Coinage of the Late Roman Republic. Wrocław, 1983. P. 62–65.

⁵ Sydenham. Op. cit. P. 174; Morawiecki. Op. cit. P. 64.

⁶ Штаерман Е.М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 9.

⁷ Koch C. Pietas // RE. 1941. Hlbd 39. Sp. 1221.

зультате этой победы. На монетах Секст изображал отца, а лицам двуликого Януса были приданы черты отца и брата⁸. Секст принял также и гордое имя Великий, именуя себя Секстом Помпеем Магном, а несколько позже Секстом Магном Пием, подчеркивая свою неразрывную связь с отцом и братом, а иногда даже использовал Магн как *praenomen*, акцентируя свою личную причастность к величию отца⁹. Именно этому аспекту деятельности и пропаганды Секста уделяют особое внимание исследователи¹⁰.

Однако как раз в I в. до н.э. *pietas* приобретает и более широкое значение: исполнение долга перед родиной¹¹. Цицерон (*Rep.* VI. 16) говорит, что долг перед отечеством выше долга перед семьей. Впрочем, эти два аспекта *pietas* были тесно связаны друг с другом, ибо, по словам того же Цицерона (*De off.* III. 90), для государства было важно, чтобы граждане исполняли свой долг перед родителями, даже если те совершали нечестивые поступки. По-видимому, Секст, как ранее и его брат, вкладывали в понятие «благочестие», как семейное, так и политическое содержание. Для них борьба с Цезарем являлась прямым продолжением всей войны, начатой переходом Цезаря через Рубикон в январе 49 г. до н.э. Помпеянцы и их союзники рассматривали этот переход как нечестие, как нарушение гарантированных богами установлений Римской республики (что, впрочем, было недалеко от истины), так что выбор лозунга должен был наглядно противопоставить богобоязненное войско помпеянцев армии клятвopеступника Цезаря.

Наконец, сто́ит обратить внимание еще на один аспект этого понятия. В трактате «О природе богов» (I. 116) Цицерон после указания на то, что *pietas* есть справедливость по отношению к богам, говорит, что если человек не общался с богом, то и бог не имеет с ним никакого правового отношения (*ius*), т.е., исходя из принципа *do ut des*, бог не может рассчитывать на благочестие человека, если сам ничего этому человеку не дал¹². И выдвигая *pietas* как лозунг борьбы, сыновья Помпея подчеркивали не только свое благочестие, но и поддержку богов. Как известно, в последние десятилетия республики ее видные политические деятели, прежде всего претенденты на власть, утверждали свою особую связь с тем или иным божеством. Особенно широко пользовался этим Цезарь. Возводя свой род непосредственно к Венере, он сделал эту богиню своей главной покровительницей. Род Помпеев не был столь знатен. Он был плебейским, и первый консул Помпей появился только в 141 г. до н.э., да и то ничем особенным себя на этом посту не проявил. И сыновья Помпея противопоставили уверениям Цезаря в особых связях с Венерой свое благочестие, т.е. справедливость по отношению ко всем богам Рима¹³. Это особенно ярко проявилось накануне битвы при Мунде, когда паролем для своей армии

⁸ *Montenegro Duque*. Op. cit. P. 170. Fig. 101, 3–6; *Freyburger M.-L., Roddaz J.-M.* Les problèmes historiques // *Dion Cassius. Histoire Romaine. Livres 48 et 49.* P., 1994. P. LXXVIII.

⁹ *Syme R.* *Imperator Caesar. A Study in Nomenclature* // *Historia.* 1958. Bd VII, 2. P. 174.

¹⁰ *Idem.* *The Roman Revolution.* Oxf., 1939. P. 157; *Freyburger, Roddaz.* Op. cit. P. LXXVI–LXXXI; *Morawiecki.* Op. cit. P. 64.

¹¹ *Koch.* Op. cit. Sp. 1222. Ср. *Абрамзон М.Г.* Римская армия и ее лидер по данным нумизматики. Челябинск, 1994. С. 30.

¹² Ср. *Рижский М.И.* Примечания и комментарии // *Цицерон. Философские трактаты.* М., 1985. С. 329. Прим. 193.

¹³ Помпей Великий тоже пытался заручиться покровительством Венеры (*Le Glay M.* *La religion romaine.* P., 1997. P. 38). Но подчеркивание Цезарем особых связей с этой богиней, по-видимому, заставило сыновей Помпея отказаться от Венеры как от особой покровительницы их и их дела.

Цезарь избрал «Венеру», а Гней Помпей младший – «Благочестие» (App. II. 104). И Секст, выдвигая тот же лозунг, рассматривал свою борьбу как прямое продолжение борьбы брата. Для него под Мундой было проиграно сражение, но не вся война, и свои действия он рассматривал как прямое продолжение предшествующей кампании с тем же лозунгом, с тем же провозглашенным уважением к богам и той же уверенностью (по крайней мере для окружающих) в ответной поддержке богами его дела.

Другим символом на его монетах является нос корабля¹⁴. И это не случайно. По словам Аппиана (IV. 83), Секст начал свою борьбу с цезарианцами в Испании с морских разбоев. Эти морские рейды, по-видимому, дали ему своеобразный «начальный капитал», после чего он уже в том же 45 г. до н.э. приступил и к сухопутной войне. Возможно, уже тогда, оставшись единственным вождем помпеянских сил, он был своими сторонниками признан (или сам себя провозгласил) императором¹⁵. Учитывая печальный опыт Мунды и не располагая еще значительными силами, Секст избрал партизанскую войну, и направленный Цезарем в Испанию Г. Каррина ничего не мог с ним поделать. Цезарь заменил Каррину Г. Азинием Поллионом, уже бывшим в Испании и, вероятно, сражавшимся там под знаменами Цезаря при Мунде (App. IV. 83–84; Cass. Dio. XLV. 10. 1–3). Поллион занимал пост претора, но в ранге претория был послан в Испанию, как кажется, еще до окончания своего преторского года. Видимо, ситуация на Пиренейском полуострове показалась диктатору уже довольно серьезной. Сравнительно скоро у Секста собрались довольно значительные силы, и он смог уже перейти к открытым действиям. И в начале 44 г. до н.э. он даже сумел захватить Новый Карфаген. Развивая свое наступление, в марте 44 г. Секст подчинил себе город Барию, находившуюся уже в Дальней Испании. Там его застигло известие об убийстве диктатора (Cic. Att. XVI. 4. 2; Cass. Dio. XLV. 10. 3–4).

Убийство Цезаря и вторжение Секста Помпея в Дальнюю Испанию изменило ситуацию на Пиренейском полуострове. В Дальней Испании была сильная клиентела Цезаря, но бездарное и жестокое управление Квинта Кассия изменило настроение провинциалов, и значительная часть провинции стала антицезаревской (Bel. Alex. 52–59). Это ясно проявилось в 46–45 гг. до н.э. Победа Цезаря при Мунде и последующее кровавое усмирение провинции (чего стоила только его расправа с Гиспалисом), казалось, привели к успокоению. Но появление там Секста, с одной стороны, и известие о гибели Цезаря, с другой, сразу же привели к новому выступлению. К Помпею присоединилось еще шесть легионов из этой провинции. Цицерон (Att. XVI. 4. 2) пишет, что это были легионы, оставленные Помпеем в Дальней Испании. Видимо, речь идет о бывших солдатах помпеянской армии, оставшихся на юге Испании после поражения при Мунде. Теперь они присоединились к Помпею, что изменило ситуацию в его пользу. Цицерон, сообщая об этом, упоминает также о перемене настроения во всей провинции и стечении к Сексту людей со всех сторон. Цицерон неприкрыто радуется этому обстоятельству, так что в данном случае вполне возможно понятное преувеличение оратором реакции провинциалов, но само сообщение едва ли совершенно безосновательно. Можно говорить, что какая-то часть и самих провинциалов активно поддержала Секста. Чекан-

¹⁴ Sydenham. Op. cit. P. 174. № 1943–1045; Montenegro Duque. Op. cit. P. 170. Fig. 6–7.

¹⁵ Syme. Imperator Caesar... P. 180.

ка в Салации, расположенной на побережье океана, монет с именем Секста¹⁶ подтверждает это. Легаты Секста чеканили медные ассы в городах будущей Бетики Урсоне и Белоне и соседнем Миртилисе¹⁷. Это ясно свидетельствует о том, что значительная часть Дальней Испании признала власть Секста Помпея.

Убийство Цезаря имело еще одно следствие. Незадолго до своей гибели Цезарь назначил Лепида, являвшегося его начальником конницы, наместником Нарбонской Галлии и Ближней Испании (App. II. 107; Cass. Dio. XLIII. 51. 8), оставив за Поллионом только Дальнюю Испанию. И Лепид начал собирать войска, которые должны были уйти с ним за Альпы. Но мартовские иды застали Лепида с его воинами в Риме, и он принял активное участие в событиях, последовавших за убийством Цезаря¹⁸. Правда, ничего существенного ему добиться не удалось. Антоний провел закон об уничтожении диктатуры вообще, и это лишило Лепида не только поста начальника конницы, ибо уже и диктатора более не было, но и легальной основы его пребывания в Риме. Получив в качестве утешения сан верховного понтифика, Лепид был вынужден удалиться из Италии. Но он не желал завязнуть в испанских делах. Так практически и не появившись в Испании, он сконцентрировал свои войска в Галлии, ожидая развития событий.

В Испании сложилась патовая ситуация. У Поллиона не было сил справиться с увеличившимся войском Помпея. Лепид считал для себя гораздо важнее следить за событиями в Италии, чтобы в любой подходящий момент иметь возможность в них вмешаться. Секст Помпей тоже не стал форсировать события, а предпочел начать переговоры. Возможно, к этому его толкала оценка своих позиций в Риме. А об этих позициях свидетельствует Цицерон. В публично произнесенных «Филиппиках» он всячески превозносит Секста, называя его подобным своему отцу, которого в свою очередь считает «светом римского народа (Phil. V. 39), славнейшим юношей (Phil. XIII. 8), и выражает радость по поводу того, что государство снова увидит сына Гнея Помпея (Phil. XIII. 9), одновременно обвиняя Антония в недостойном поведении по отношению к Помпею и его имуществу (Phil. V. 39–41; XIII. 9). В письмах господствует иное настроение. Исследователи обратили внимание на то, что в отличие от Брута и других людей, более или менее близких Цицерону, оратор ни разу не называет Секста *poster*¹⁹. Следовательно, в круг Цицерона сын Помпея Великого ни в коей мере не входил. Цицерон одновременно и боится, что Секст «отбросит щит», прскратив всякую борьбу (Att. XV. 29. 1), и страшится, как бы тот не явился с войском в Италию, развязав новую гражданскую войну (Att. XIV. 22. 2; XV. 21. 3; 22). Видимо, военные действия на западной и восточной окраинах республики – в Испании и Сирии – настоящей гражданской войной в Риме не представлялись. Такая настороженность Цицерона по отношению к Сексту была, вероятно, известна и самому младшему Помпею, а выражала она не только личные взгляды и чувства Цицерона, но явно и всего сенатского большинства, лидером которого в тот момент Цицерон являлся.

¹⁶ Ibid. P. 175. Существует мнение, что легенда SAL на этих монетах указывает не на Салацию, а на Сальпензу (Morawiecki. Op. cit. P. 65). В таком случае речь идет не о Лузитании, а о будущей Бетике.

¹⁷ Morawiecki. Op. cit. P. 66.

¹⁸ Литература об этих событиях огромна. Отметим лишь: Машкин Н.А. Принципат Августа. М., 1949. С. 123–124; Парфенов В.Н. Рим от Цезаря до Августа. Саратов, 1987. С. 6–8.

¹⁹ Freyburger, Roddaz. Op. cit. P. LXXXVIII.

Едва ли мог Секст рассчитывать и на городскую массу. Ее настроение было непостоянным. Память о Помпее Великом не была столь уж глубока. Много позже Секст действительно приобретет популярность у части римского плебса (App. V. 25), но это произойдет в совершенно других условиях. А пока римская толпа была настроена резко процезариански, как показывали все события весны 44 г. до н.э. И в этих условиях сыну Помпея было важно восстановить позиции своей семьи в Риме, чтобы вновь приобрести опору, с которой он мог уже начать свое возвышение. Думал ли при этом Секст о захвате власти в государстве, сказать трудно, ибо никаких положительных свидетельств этому нет, а его практические шаги, казалось, говорили об обратном. Но, с другой стороны, Секст едва ли отличался от людей своего поколения. В этом поколении существовали «белые вороны», у которых еще имелись какие-то политические принципы. Таким был, несомненно, Брут и, может быть, Кассий. Но при всем к ним уважении реального влияния такие люди почти не имели и были обречены на поражение. Основная масса политических деятелей этого поколения, к которой принадлежали такие люди, как Антоний, Лепид и сам Секст Помпей, стремилась только к собственному утверждению. Недаром многие из них сравнительно легко переходили из лагеря в лагерь в зависимости от политической конъюнктуры. Если какие-либо красивые лозунги и выдвигались, то только для привлечения как можно большего числа сторонников. И Секст, будучи плоть от плоти этого поколения, был честолюбив не менее Антония или Лепида. Но для достижения своих целей он, по-видимому, первоочередной считал необходимость возвращения положения своей семьи. И Секст заменил военное наступление дипломатическим.

Летом 44 г. Секст через посредство своего тестя Л. Скрибония Либона обратился с письмом к консулам Антонию и Долабелле с предложением роспуска всех войск и возвращения ему, Сексту, отцовского имущества, прежде всего дома. Копию этого письма через того же Либона он передал Цицерону и его друзьям (Cic. Att. XVI. 4. 1–2). Это свидетельствует о том, что он стремился не только (а может быть, и не столько) к переговорам с Антонием и Долабеллой, которых он иронически называл «консулы или они под каким-нибудь другим именем», намекая на отсутствие реальных выборов, но и к созданию благоприятного общественного мнения. Цицерон охотно пошел навстречу Помпею, тем более что главным приобретателем имущества Помпея был Антоний. По инициативе Цицерона к адресатам были прибавлены преторы, народные трибуны и сенат, чтобы не дать консулам замолчать это письмо и придать ему самую широкую огласку. Этим письмом Секст явно пытался добиться положения лидера или одного из лидеров антицезарианских или, в тех условиях точнее, антиантониевских сил. Конечно, добиться этого он не смог, но замалчивать его позицию было уже невозможно, тем более что Цицерон поддержал его требования в своих выступлениях (Phil. II. 75; XIII. 11–12).

В таких условиях Лепид предпочел пойти на переговоры с Секстом. Сколь долго и как интенсивно они шли, сказать трудно. Но еще 25 октября 44 г. до н.э. Цицерон (Att. XV. 13. 4) писал Аттику, что дела в Испании идут очень хорошо, значит в это время Секст со своими войсками еще находился на Пиренейском полуострове. Но еще до начала нового года Секст уже заключил соглашение с Лепидом, по которому он должен был получить возмещение за конфискованное имущество, а за это покинуть Испанию (Cic. Phil. V. 41; XIII.

9, 12; Vel. Pat. II. 73; Cass. Dio. XLV. 10. 6; XLVIII. 17. 1)²⁰. Это соглашение было ратифицировано сенатом и оформлено как его постановление (App. III. 4; IV. 94). Цицерон (Phil. V. 41) в связи с этим упоминает волю не только сената, но и римского народа. Это может свидетельствовать о подтверждении соглашения и народным собранием (хотя не исключено, что все дело просто в общепринятой формуле). Таким образом, речь шла не о частном соглашении двух военных и политических деятелей, а о решении римского правительства. Своих основных целей Секст не добился, но все же вернул себе определенное легальное положение. Цезарь рассматривал войну 46–45 гг. до н.э. в Дальней Испании как мятеж против государства и, следовательно, сыновей Помпея как мятежников, недостойных его милосердия. Теперь же согласием на возмещение имущества римское правительство отказывалось от прежнего взгляда. Более того, по условиям этого договора Сексту Помпею возвращалось гражданство (Cic. Phil. V. 38–41), которого он был лишен Цезарем. Это было уже важным шагом к достижению цели. Выполняя условия соглашения, Секст еще до наступления 43 г. или в самом начале этого года покинул Испанию и перебрался в Массилию поближе и к Италии, и к Лепиду. Вскоре он официально был назначен сенатом префектом флота и морского побережья (Vel. Pat. II. 73; App. III. 4; Cass. Dio. XLVIII. 17. 1). Это давало ему законное право держать армию и флот, и он забыл о своем прежнем требовании роспуска всех войск.

С Помпеем ушла и часть, по крайней мере, его армии, в том числе и части из туземцев. Позже испанцы сражались под знаменами Секста на Сицилии²¹. Но это не привело к успокоению в самой Испании. Сведений о событиях в Испании после ухода Помпея почти нет, но те скудные известия, которыми мы располагаем, все-таки позволяют сделать какие-то выводы. Вскоре после того как Испания перешла под власть Октавиана, последний был вынужден направить туда шесть легионов под командованием своего друга Кв. Сальвидиана Руфа. Неизвестно, успели ли они принять участие в военных действиях в Испании, так как вскоре были отозваны для войны с Луцием Антонием (App. V. 19; 24; Cass. Dio. XLVIII. 10. 1), но сама посылка столь значительного войска говорит о серьезности положения на Пиренейском полуострове. Уже в 30-е годы в Испании активно действовали полководцы Октавиана, ведя упорные войны. Первым из них был Гн. Домиций Кальвин. Он был направлен в Испанию в 39 г. до н.э. и действовал там до 37 г. Кальвин был опытным политическим и военным деятелем, ранее выступавшим против Цезаря, но затем перешедшим на его сторону и уже его не покидавшим. Он участвовал в битве при Фарсале, в войне против Фарнака, в африканской кампании. При расколе цезарианцев он оказался на стороне Октавиана²². Уже сама посылка такого ис-

²⁰ По Аппиану (III. 4), инициатором соглашения с Секстом был Антоний. Возможно, это утверждение связано с общей проантониевской традицией, которой следует Аппиан: см. *Senatore F. Sesto Pompeo tra Antonio e Octaviano nella tradizione storiografica antica* // *Athaenaeum*. 1991. 79. 1. P. 103–139. Автор подчеркивает, что в рассказе о переговорах с Секстом александрийский историк не упоминает основное требование последнего о возвращении отцовского имущества, а упоминая о приобретении Антонием собственности Помпея, указывает на законность этого акта; и в рассказе о гибели Секста приводится несколько версий этого события, т.е. фактически обеляется сам Антоний. Ф. Сенаторе считает источником этих пассажей Азия Поллиона, который, как известно, одно время активно поддерживал Антония и явно не питал особой любви к Лепиду, бывшему его соперником на Пиренейском полуострове.

²¹ Парфенов. Ук. соч. С. 73. Недаром на монетах, чеканенных в Сиракузах, появляется легенда HISPANORUM (Morawiecki. Op. cit. P. 68–69).

²² Münzer. Domitius, 43 // RE. 1903. Hlb 9. Sp. 1422–1423.

пытанного командира и сторонника говорит о серьезности положения в Испании²³. О такой серьезности говорит и состояние римских войск, которые, по-видимому, уже разложились. Когда часть его армии во главе с одним из его помощников попала в засаду, воины просто-напросто бросили своего командира и бежали. Кальвину пришлось прибегнуть к децимации. Эту меру не применяли в римской армии со времени Красса, который таким же образом восстановил дисциплину среди своих воинов во время войны со Спартаксом. Да и во время Красса это было уже чем-то забытым и необычным. После восстания такой жестокой мерой порядка в войсках Кальвин начал наступление на врагов (Cass. Dio. XLVIII. 42. 1–3). Дион Кассий называет этими врагами варваров и конкретно церетанов. Так что речь идет именно о местном населении. Церетаны населяли восточную и центральную части района Пиренеес²⁴, т.е. приблизительно ту же территорию, возле которой первоначально действовал Секст. Однако Кальвин действиями только там не ограничился. Овладение таким важным стратегическим районом, как территория церетанов²⁵, дало ему возможность дальнейших военных операций. Он распространил их и на район Оски²⁶. В свое время Оска была столицей Сертория, и этот район был как бы сердцем серториевской державы. С другой стороны, именно в этом районе и в близлежащей долине Ибера более всего концентрировалась испанская клиентела Помпеев²⁷. И все эти совпадения едва ли были случайными.

Операционной базой Кальвина был, возможно, Эмпорион, использованный римлянами в этом качестве еще во второй Пунической войне и в начале завоевания Испании. И с Кальвином, видимо, связывается преобразование этого города в муниципий, по крайней мере его испанской части²⁸, что можно рассматривать как благодарность эмпоритам за их поддержку в войне. В начале выступления Секста Помпея Эмпорион, как кажется, выступил на его стороне²⁹, но неоднородность этого двойного (или к тому времени даже тройного) города привела к тому, что значительная часть горожан поддержала октавиановского полководца в его войнах с соседними иберами. С Кальвином связано возведение в ранг муниципия и Оски³⁰, которая, видимо, тоже поддержала Кальвина в его военных операциях в этом регионе. И Кальвин со своей стороны стремился привлечь к себе местное население. Об этом говорит не только предоставление муниципального статуса Оске, но и то, что чеканенные им в этом городе монеты воспроизводили стиль кельтиберской чеканки³¹. За свои победы Кальвин получил в 36 г. до н.э. триумф и еще во время пребывания в Испании титул императора (CIL I, p. 461, 478)³². О значении побед Кальвина

²³ Syme. The Roman Revolution. P. 227, 332.

²⁴ Historia de España. Madrid. 1989. P. 366–368.

²⁵ Olesti Vila O. La romanización de la Cerdeña // Homenaje a José M. Blázquez. V. IV. Madrid, 1999. P. 302.

²⁶ Freyburger, Roddaz. Op. cit. P. 98.

²⁷ Об этом, в частности, свидетельствует значительная концентрация людей с именем Помпея в этом регионе (Dyson S.L. The Distribution of Roman Republican Family Names in the Iberian Peninsula // Ancient Society. 1980/1981. 11/12. P. 288).

²⁸ Циркин Ю.Б. Римский Эмпорион. Путь к муниципию // Государство, политика и идеология в античном мире. Л., 1990. С. 124; Bonneville J.-N. Les patrons du municipe d'Emporion // REA. 1986. 88. P. 183–186, 193–195.

²⁹ Bonneville. Op. cit. P. 195.

³⁰ Roddaz. Op. cit. P. 332.

³¹ Sydenham. Op. cit. P. 212.

³² Ibid.

говорит еще и тот факт, что именно со времени его наместничества стала отсчитываться «испанская эра», которая пережила римское владычество и сохранялась вплоть до арабского завоевания Испании. По-видимому, действия Кальвина принесли этой части Испании мир, и это было высоко оценено³³. Вообще Август считал, что именно с его правления начинается новая эра в Риме³⁴. И то, что он и его преемники сохранили «испанскую эру», говорит об осознании значения побед Кальвина не только испанцами, но и римским правительством.

На смену Кальвину был послан Г. Норбан Флакк. Он, как и Кальвин, уже был известным военным командиром и испытанным сторонником триумвиров. Он активно и успешно сражался против республиканцев в 42 г. до н.э., а во время болезни Октавиана в битве при Филиппах вместо него командовал лагерем. В 38 г. до н.э. Норбан был консулом и затем сменил Кальвина в Испании, получив затем, как и его предшественник, триумф и титул императора³⁵. С ним связано основание колонии Норбы Цезарины³⁶. Этот город был расположен в Дальней Испании на территории будущей Лузитании на старинном важном пути к рудным регионам Северо-Западной Испании³⁷. В связи с этим нужно вспомнить, что лузитаны активно поддерживали помпеяцев даже после поражения последних при Мунде и пытались не дать Цезарю овладеть Гиспалисом, а позже успешно сражались против Диция и убили его (Bel. Hisp. 35–36, 38, 40). Явно либо для борьбы с лузитанами, либо для предотвращения их выступления зимой 44–43 гг. до н.э. Азиний Поллион расположил свои легионы в Лузитании (Cic. Fam. X. 33. 3). А решившись уйти со своими войсками из провинции, он оправдывался тем, что легионы нужнее провинций, которые затем можно будет легко возвратить (ibid. X. 31. 6). Так что угроза полной потери Дальней Испании в случае ухода оттуда войск Поллиона явно существовала. Отмеченная выше возможная чеканка монет Секста в лузитанской Салации также говорит о поддержке помпеянцев в этом регионе. Поэтому можно думать, что и Норбан сражался в основном с лузитанами, и это тоже можно рассматривать как последние отзвуки войны с помпеянцами, в том числе с Секстом Помпеем. Таким образом, основными районами действий Кальвина и Норбана были северо-восточная часть Ближней Испании и западная часть Дальней, т.е. именно те, в которых отмечена и активность Секста Помпея.

На этом военные действия в Испании не прекратились. После Кальвина и Норбана триумфы и императорские титулы за победы в Испании получали Л. Марций Филипп, Ап. Клавдий Пульхр, Г. Кальвизий Сабин и уже в самом начале 20-х годов Т. Статилий Тавр (о его триумфе неизвестно, но он был императором, что предполагает и триумф³⁸) и С. Аппулей. В триумфальных фастах триумфы всех этих полководцев, как и Кальвина и Норбана, обозначались просто ex Hispania (CIL I, p. 461, 478). О районе действий преемников Норбана до Статилия Тавра ничего сказать нельзя. Тавр же сражался уже против кантабров, астуриков и вакцеков (Cass. Dio. LI. 20). По-видимому, с теми же врагами имел дело и Аппулей, и их кампании можно рассматривать как начало той

³³ Cp. Balil A. Riqueza y sociedad en la España Romana // Hispania. 1965. 99. P. 353.

³⁴ Kienast D. Augustus und Caesar // Chiron. 2001. Bd 31. S. 3.

³⁵ Groag. Norbanus, 9a // RE. 1936. Hlbd 33. Sp. 1270–1272.

³⁶ Callejo Cerrano C. La arqueología de Norba Caesarina // AEArc. 1968. V. 41. P. 121; Galsterer H. Untersuchungen zum Römischen Städtewesen auf der Iberischen Halbinsel. B., 1971. S. 23–24.

³⁷ Callejo Cerrano. Op. cit. P. 121, 147.

³⁸ Castillo Garcia C. Prosopographia Baetica. Pamplona. 1965. P. 244.

войны, которую немногим позже повел сам Август, подчиняя Северную и Северо-Западную Испанию.

Суммируя эти скудные известия, можно говорить, что выступление Секста послужило для его местных союзников началом новой войны с римским правительством. Ситуация напоминает движение Сертория, когда две силы – римские эмигранты и туземцы – выступили совместно против тогдашних властей Римской республики, преследуя каждые свои цели. В какой-то степени совпадали и основные районы выступления испанцев под знаменами Сертория в 70-х годах и Секста Помпея в конце 40-х. В отличие от Сертория Секст, как кажется, не стал создавать свое государство (во всяком случае, никаких данных об этом у нас нет), а затем и вовсе покинул страну, по существу бросив своих союзников на произвол судьбы. Но те (по крайней мере значительная их часть) не смирились, а продолжили борьбу, которая приняла столь опасный для Рима характер, что Октавиану пришлось применять чрезвычайные меры. Вполне возможно, что успешные действия Кальвина и Норбана привели к окончательной победе над последними сторонниками Секста в Испании, а их преемники воевали уже против независимых испанских племен. Если отвлечься от событий в Астурии, Кантабрии и Галлеции, т.е. на крайнем севере и северо-западе полуострова, то это было последнее выступление местного населения против Рима. Толчком для него и стало появление Секста Помпея и возобновление им войны с Цезарем.

Вернемся ко второй половине 40-х годов. Добившись удаления Секста Помпея из Испании, Лепид, по-видимому, принял меры для укрепления своего положения в этой стране. Одним из инструментов достижения подобных целей являлась политика дарования прав римского гражданства, и надписи показывают большое количество Эмилиев, сконцентрированных преимущественно в городах восточной части Ближней Испании³⁹ (т.е. там, где действовал и Секст). Другой мерой было основание колоний. Цезарь, как это уже доказано, выводил свои колонии в те города, которые выступали на стороне его противников, отнимая земли у прежних жителей для своих колонистов⁴⁰. Возможно, что по этому пути пошел и Лепид. То, что колония Виктрикс Юлия Лепида была создана Лепидом, не вызывает никаких сомнений⁴¹. Споры возникают при определении времени ее создания. Была высказана мысль, что колония была создана еще во время первого наместничества Лепида в Ближней Испании в 48–47 годах. Основанием для такого предположения являются находки монет этой колонии с именами четырех коллегий дуумвиров и двух коллегий эдилов, что довольно много, в то время как за все время правления Августа, когда колония уже носила другое имя, известно всего лишь шесть пар дуумвиров⁴². Однако это вполне можно объяснить случайностями находок. Мы не знаем точно, в каком году произошло переименование колонии, но скорее всего когда Лепид окончательно впал в немилость, т.е. в 36 г. до н.э. или немногим позже. До этого времени Октавиан не решался полностью рвать с Лепидом, рассчитывая все же на его поддержку в возможной борьбе с Антонием. И когда обстановка в Риме и Италии резко обострилась, Октавиану действительно пришлось именно Лепида оставить для охраны самого Рима (App. V. 29;

³⁹ Dyson. Op. cit. P. 271.

⁴⁰ Vittinghoff F. Römische Kolonisation- und Bürgerrechtspolitik unter Caesar und Augustus. Wiesbaden, 1952. S. 75.

⁴¹ Beltran Lloris M. La colonia Victrix Iulia Lepida Celsa // RSL. 1979. 45. P. 187–190.

⁴² Galsterer. Op. cit. S. 25.

Cass. Dio. XLVIII. 13. 4). Едва ли в таких условиях он мог пойти на столь демонстративный шаг, как переименование лепидовской колонии. Да и нумизматические данные свидетельствуют как будто бы о том, что смена названий произошла в 36–35 гг. до н.э.⁴³ Так что четыре пары дуумвиров за такой срок не так уж и много.

С другой стороны, историческая обстановка скорее позволяет говорить о 43 или 42 г. до н.э. как времени создания колонии, т.е. вскоре после соглашения с Секстом. Во время своего первого наместничества Лепид был слишком связан властью Цезаря и едва ли мог самостоятельно принять такое решение, как основание колонии⁴⁴. Во время же второго наместничества действовать самостоятельно он вполне мог. И в первый, и во второй раз Лепид рассматривал свои действия в Испании как основания для триумфа. Но первый раз это было связано с урегулированием отношений внутри самого цезарианского лагеря, в то время как во втором с изгнанием (как он мог по крайней мере представить это внешнему миру) Помпея из этой страны. Он снова добивался триумфа, но назначены ему были лишь торжественные моления и воздвигнута его статуя (Cic. Phil. III. 23; V. 41; XIII. 9; Fam. X. 27. 1), которая, впрочем, позже была разрушена. Цицерон считал эти почести более чем достаточными, оправдывая отказ в триумфе тем, что это – награда за военные подвиги, а Лепид (и на этом оратор упорно настаивает) добился ухода Секста мирным путем (Phil. XIII. 13. 13). Лепид явно не считал эти доводы основательными и, оставшись в 43 г. после отъезда Антония и Октавиана на Балканы единственным триумвиром и, следовательно, полным хозяином Рима, все же отпраздновал пышный триумф (CIL I, p. 461, 478), заставляя всех участвовать в этом праздновании под угрозой внесения в проскрипционные списки (App. IV. 31). Учитывая, что войну с испанцами, как уже говорилось, и позже вели полководцы Октавиана, возможно, что претензии Лепида на триумф были не так уж необоснованы⁴⁵. Так что гордое название Виктрикс вполне уместно и в этом случае. После гибели Цезаря его преемники продолжали выполнять намеченный им план выведения колоний. Так, «по приказу Г. Цезаря диктатора и по закону Антония» была создана колония Урсон в Дальней Испании (CIL II. 5439. 104). Основание Виктрикс Юлии Лепиды вполне вписывается в этот исторический контекст.

Лепиду, вероятнее всего, принадлежит и создание колонии Илици. Ее официальное название Юлия Илици (или Илицитана) Августа⁴⁶. Как считает Х. Гальштерер, несколько необычное название, в котором слова «Юлия» и «Августа» разделены местным наименованием города «Илици», свидетельствует о прибавлении титула Августа уже после действительного создания колонии, а до этого она именовалась Юлия Илици⁴⁷. Заметим, что уже упомянутая колония в Урсоне называлась Юлия Генетива. Сравнительно недавно на месте древней Илици была найдена надпись на небольшой бронзовой плите, являющаяся частью кадастра этого города. Исследователи, занимавшиеся

⁴³ *Beltran Lloris*. Op. cit. 190. На последних монетах города, еще именуемого Лепидой, изображена фигура Рах, что, по мнению М. Бельтрана Льюриса, указывает на примирение Октавиана с Лепидом (*ibid.*). Если это так, что очень вероятно, то это является еще одним доказательством относительно поздней смены названия.

⁴⁴ *Roddaz*. Op. cit. P. 329; исследователь полагает, что если бы Лепид создал колонию при жизни Цезаря, это могло бы рассматриваться как покушение на достоинство диктатора.

⁴⁵ Cp. *Roddaz*. Op. cit. P. 329. Not. 85.

⁴⁶ *Keune*. *Ilici* // RE. 1918. Hlbd III. Sp. 1218; *Galsterer*. Op. cit. S. 26.

⁴⁷ *Galsterer*. Op. cit. S. 26.

этой надписью, датируют ее между 43 и 27 гг. до н.э., а последние изыскания позволили определить, что наиболее вероятно именно первая дата – 43 г. до н.э.⁴⁸ И в таком случае основателем этой колонии также был Лепид. После создания второго триумvirата к владениям Лепида была прибавлена и Дальняя Испания (App. IV. 2; Cass. Dio. XLVI. 55. 4). И то, что колония Илици была создана у границ с этой провинцией, но еще все же в Ближней Испании, позволяет думать, что ее выведение произошло еще до раздела провинций между триумвирами.

Из надписи известны десять человек, получившие земли в новой колонии. Все они римские граждане, так как в их именах упоминаются их трибы. Двое из них происходят из Италии – из Пренесте в Лации и Вибона в Брутии, четверо – из Дальней Испании, один – с Балеарских островов. Сомнения возникают при упоминании еще трех персонажей, которые происходят из Икозии. Известен Икозий в Цезаританской Мавретании (совр. Алжир). Но двумя испанскими учеными, занимавшимися этой надписью, было высказано мнение, что речь идет о другом Икозии⁴⁹. Об этом другом Икозии упоминает Плиний (III. 19–20) и располагает его в непосредственной близости от Илици. Учитывая исторические обстоятельства и географическую близость Илици и Икозии, это мнение надо принять. И в таком случае получается, что 80% известных первых колонистов Илици происходят из той же Испании. Конечно, возможно сомнение, есть ли основание распространять данные о десятке колонистов на весь коллектив этой колонии, а тем более на колонистов того времени вообще. Но, кажется, с некоторыми оговорками это все-таки можно сделать.

Возникает вопрос о социальном происхождении колонистов Илици. Существуют две противоположные точки зрения на это. Одни считают колонистов безусловными ветеранами, а точнее бывшими воинами туземного легиона, в свое время набранного Варроном, а другие это решительно отвергают. Доводом в пользу ветеранов являются расчеты, показывающие, что первоначально колонистов должно было быть 600 человек (плюс их семьи), что равняется одной когорте. Однако расчеты эти весьма приблизительны, и существует не менее обоснованное мнение, что владельцев участков было 3000, не считая их семей⁵⁰, и это различие в расчетах уже позволяет сомневаться в их правильности вообще. Известно, что Цезарь выводил свои колонии в города, которые ему сопротивлялись, для чего отнимал землю у их прежних жителей. Колонистами же он делал своих воинов. В принципе по тому же пути пошли и его преемники. Антонием была основана, как было сказано выше, колония Урсон, а судя по монетам, чеканенным в этом городе, Урсон явно поддерживал Секста Помпея⁵¹. Едва ли Лепид собирался изменять этому правилу. Но в таком случае о каких воинах, точнее ветеранах, может идти речь?

Высказывается мнение, что это были ветераны Цезаря, которых Лепид в силу закона Антония вывел в Цельзу⁵². Известно, что в момент убийства Цезаря в Риме действительно находилось больше количество ветеранов, кото-

⁴⁸ Mayer M. *Olesti O. La sortito de Illici. Del documento epigráfico al pasaje histórico* // Dialogues d'histoire ancienne. 2001. T. 27. 1. P. 109–131; *Guillaumin J.-J. Note sur le document cadastral romain découvert a la Alcludia (Eiche, province d'Alicante)* // Dialogues d'histoire ancienne. 2002. № 28. 1. P. 113–133.

⁴⁹ Mauer. *Olesti. La sortito de Illici...* P. 113.

⁵⁰ Ibid. P. 114, 129–131.

⁵¹ Morawiecki. Op. cit. P. 66.

⁵² Roddaz. Op. cit. P. 329–330.

рым убитый диктатор обещал земли и которые приняли активное участие в мартовских событиях 44 г. до н.э. (Cic. Att. XIV. 14. 2; App. II. 125, 133). А несколько позже они участвовали в борьбе между Октавианом и Антонием. По аграрному закону Луция Антония большинство их, как кажется, получало земли не в провинциях, а в Италии⁵³. Часть ветеранов могла быть поселена и в Испании, как, например, в Урсоне. Но в Урсон колония была выведена еще в 44 г. до н.э. Однако положение в 43–42 годах уже отличалось от того, что было год назад. Никаких сведений о демобилизации Лепидом хотя бы части своей армии в эти годы нет. Более того, политическая обстановка требовала от него сохранения всех своих сил. Известно, что долгое время Лепид вел двойную игру, не решаясь открыто поддержать Антония в его борьбе с сенатом и Октавианом, но и не собираясь рвать с ним. Так, он направил под Мугину часть своей армии во главе М. Силаном, но дал ей столь противоречивые указания, что Силан присоединился к Антонию (Cass. Dio. XLVI. 38. 5–7; 51. 1). И лишь позже Лепид открыто присоединился к Антонию. В таких условиях лишь сохранение своих войск позволяло Лепиду играть роль в дальнейших событиях и войти в состав второго триумvirата. Так что вывести своих ветеранов в 44–43 гг. до н.э. в испанские колонии Лепид едва ли мог⁵⁴. А когда его коллеги по триумvirату стали готовиться к походу против республиканцев, они забрали у Лепида большую часть его войск, оставив ему всего три легиона (App. IV. 3). И пока на Востоке сохранялись большие силы республиканцев, ни о какой демобилизации армии ни одного из триумvirов не могло быть речи. Значительная часть армии триумvirов была распущена после битвы при Филиппах (App. V. 3), но именно тогда против Лепида было выдвинуто обвинение в сношениях с Секстом, и он был лишен власти в провинциях (App. V. 3; 12; Cass. Dio. XLVIII. 1. 3; Suet. Aug. 13).

Было выдвинуто предположение, что колонистами были воины Туземного легиона⁵⁵. Однако статус Туземного легиона спорен. Существует, на наш взгляд, в высокой степени обоснованное мнение, что его воинами были не римские граждане, жившие в Испании, а не имевшие гражданства испанцы, в чрезвычайных условиях начинавшейся гражданской войны включенные в легион⁵⁶. Речь идет, конечно, о жителях будущей Бетики, о которых Страбон (III. 2. 15) говорит, что они почти обратились в римлян, и это «почти» означает лишь отсутствие у них гражданства⁵⁷. Причисление же названных в надписи колонистов к той или иной трибе ясно говорит об их римском гражданстве. Существует также точка зрения, что Туземный легион состоял из романизованных туземцев⁵⁸, т.е. испанцев, которые все же имели гражданство. Но в любом случае Туземный легион никаких заслуг ни перед Лепидом, ни перед Цезарем не имел, во время Испанской войны он сражался на стороне Гнея Помпея младшего (Bel. Hisp. 20). Никаких намеков на военное прошлое колонистов в самой надписи нет. Поэтому, не высказывая окончательного суждения, можно считать более вероятным, что колонисты ветеранами не были. Это могли быть либо уже получившие гражданство испанцы, либо потомки

⁵³ Машикин. Ук. соч. С. 145.

⁵⁴ Brunt. Italian Manpower. Oxf., 1971. P. 258.

⁵⁵ Mayer. Olesti. La sortito de Illici... P. 115.

⁵⁶ Fear A.T. The Vernacular Legion of Hispania Ulterior // Latomus. 1991. 50. P. 809–821.

⁵⁷ Blazquez J.M. Nuevos estudios sobre la Romanización. Madrid, 1989. P. 11–16.

⁵⁸ Brunt. Op. cit. P. 230–231.

италийских переселенцев во втором, по крайней мере, или (для 20%) в первом поколении.

Следует обратить внимание и на *origo* колонистов, учитывая только происходивших из Испании. По Плинию (III. 20), Икозий был присоединен к Илици. Улия была единственным городом в долине Бетиса, которая твердо оставалась на стороне Цезаря. В других городах шла борьба между двумя «партиями». Даже в Кордубе, бывшей центром антицезарианского движения, существовало какое-то процезаревское меньшинство (Bel. Hisp. 2, 34). В еще большей степени это относится к прибрежным городам⁵⁹, включая явно и Малаку. Все три упомянутых выше жителя Икозия принадлежали к трибе Галерии, а именно к этой трибе причислял Цезарь испанцев, которым он давал гражданство. Поэтому вполне возможно, что речь идет о сторонниках цезарианцев, которые могли бы служить опорой Лепиду в беспокойной стране. Почти все помпы первых колонистов Илици хорошо известны в Испании (исключение только Г. Ауфистий из Икозия). Четыре из восьми испанцев носили имена, которые особенно широко были распространены в этой стране, – Эмилиий, Марий, Валерий и Фабий⁶⁰. Из всех десяти только один имел когномен – Г. Анний Сенека из Икозия. И он имеет полное соответствие в лице Г. Анния Сенеки, думвира города Илуркона в Бетике⁶¹.

Примечательно расположение обеих колоний Лепида. Цельза находилась на берегу Ибера в том месте, где через него проходила важная переправа по каменному мосту (Strabo. III. 4. 10). Эта река являлась важнейшим путем коммуникации с внутренними районами Пиренейского полуострова и в то же время одной из основных осей романизации. Однако именно в этом регионе нашел убежище Секст, и там он сначала действовал; позже поблизости воевал Кальвин. До создания колонии Цельза была местным городом⁶², и наличие в более позднее время среди магистратов колонии (следовательно, и среди жителей) Помпеев⁶³ показывает, что помпеевская клиентела в этом городе существовала. Важно еще одно обстоятельство. Как показывают монетные легенды, когда город именовался Лепидой, местные Помпеи предпочитали не называть свой *poenon*, и только уже после переименования колонии стали снова открыто так именоваться⁶⁴. Это явно связано с антипомпеянскими действиями Лепида, которые после его устранения потеряли свою актуальность.

Незадолго до убийства Цезаря и вскоре после этого события главным районом действий Секста являлось пограничье Ближней и Дальней Испании, и там к северу от Нового Карфагена была создана колония Илици, и через нее проходил важный путь, знаменитая *via Herculea* (позже *Augusta*), соединяющая Южную и Восточную Испанию с Италией. На месте колонии и здесь находился туземный город, на развалинах которого был построен римский⁶⁵.

Все это позволяет реконструировать ход событий в Испании накануне и вскоре после смерти Цезаря. Секст, бежав из Кордубы, нашел убежище в северо-восточной части Испании и в скором времени, собрав силы, приступил к

⁵⁹ Достаточно вспомнить об ожесточенной борьбе двух «партий» в Гадесе после прибытия туда раненного Гнея Помпея (Bel. Hisp. 37).

⁶⁰ Balil. Op. cit. P. 363; Dyson. Op. cit. P. 155, 170.

⁶¹ Castillo Garcia. Op. cit. P. 22.

⁶² Beltran Lloris. Op. cit. P. 184–187.

⁶³ Ibid. P. 193; Galsterer. Op. cit. S. 25; Roddaz. Op. cit. P. 327.

⁶⁴ Beltran Lloris. Op. cit. P. 190, 193.

⁶⁵ Gurti i Esparraguera J.M. Revisión del catastro romano; Lanuza i Garriga A.M., Palet i Martinez J.M. de. Illici (Elche) // Pyrene. 1996. № 27. P. 223.

активными действиями. Местное население, среди которого был еще велик авторитет Помпея и имелась его клиентела, поддержало Секста. Впрочем, для него, как и ранее во времена Сертория, эта поддержка вождя римской политической группировки послужила, по-видимому, лишь толчком для собственного выступления, направленного против римлян вообще. Но именно эта широкая поддержка и не давала возможности ни Каррине, ни Поллиону справиться с Секстом. И Лепид, внимание которого к тому же было обращено не столько на Испанию, сколько на Италию, предпочел вести с Секстом переговоры. После ухода Секста Помпея из Испании антиримское движение продолжалось, и не исключено, что каким-то воинским частям Лепида во главе с его легатами пришлось иметь дело с повстанцами, что и стало поводом для триумфа. После Филипп Лепид был лишен власти в Испании, и Октавиан стал посылать туда своих легатов. И первым из них стал тот же Каррина, который недавно неудачно сражался с Секстом. Во время Перузинской войны Луций Антоний пытался натравить на октавиановские войска в Испании мавретанского царя Богуда (Cass. Dio. XLVIII. 45. 1–2), но неудачно, ибо сторонник Октавиана и соперник Богуда Бокх напал на него и лишил его царства (*ibid.* 45. 2–3)⁶⁶. Позже Октавиан официально даже назначил Луция своим наместником в Испании (App. V. 54), но тот, видимо, там так и не появился; во всяком случае, после этого Л. Антоний просто не упоминается в источниках. Полководцы Октавиана довершили разгром повстанцев. И накануне решающей схватки Октавиана с Антонием Испания по старинному иберскому обычаю принесла ему присягу. Когда Октавиан стал Августом, он завершил завоевание Пиренейского полуострова, но это уже выходит далеко за рамки данной статьи.

SPAIN AFTER CAESAR'S DEATH

Yu.B. Tsirkin

After Pompeians were defeated at Munda, Sextus Pompeius left for Hispania Citerior and recommenced there the war against Caesar's governors. Shortly before Caesar's death, he passed on to open actions and achieved much success. Sensibly estimating his forces, he concluded a treaty with Lepidus and left Spain. However, an essential part of his Spanish adherents kept on fighting, because supporting Sextus meant for them only an occasion for an anti-Roman rebellion. This rebellion was stifled only by Octavianus' commanders. Lepidus, after Sextus left Spain, took measures to consolidate his position in the country and established two colonies – Celsa and Illici. Founding of the latter colony is evidenced by a recently found inscription.

⁶⁶ Аппиан (V. 26), наоборот, говорит о посылке Луцием Антонием в Испанию Бокха, но он явно ошибается, ибо именно Богуд был верным сторонником Антония и оставался им до самой своей смерти.